

Школьный этап — 11 класс

Часть I

К 450-летию со дня рождения У. Шекспира. Прочитайте тексты и выполните задания.

Гамлет осознаёт свою ответственность за всё, что происходит в мире. Идея мести перерастает у него в сознание необходимости борьбы со злом как таковым. Это становится причиной его раздумий, выразившихся в монологе:

Перевод Михаила Лозинского

Быть или не быть, — таков вопрос;
Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть, —
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. — Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум,
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумление века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей неправду,
Заносчивость властей и оскорбленье,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего—то после смерти, —
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, — волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!
Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Да вспомнятся мои грехи.

Перевод Бориса Пастернака

Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достоин ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Неправду угнетателей, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Нескорый суд и более всего
Насмешки недостойных над достойным,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала! Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!
Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика,
Так погибают замыслы с размахом,
В начале обещавшие успех,
От долгих отлагательств. Но довольно!
Офелия! О радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.

А. Поразмышляйте, кто из героев русской литературы XIX или XX вв. мог бы произнести монолог, подобный монологу Гамлета. Обоснуйте свою точку зрения.

Максимально возможный балл – 25.

Б. Каких исполнителей роли Гамлета вы знаете?

За каждое правильно названное имя – 1 балл.

Часть II
Анализ прозаического текста (50 баллов)

Фазиль Абдулович Искандер (р. 1929)

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Это был грузный, облысевший человек с тяжелыми веками и усталым лицом. На вид ему было пятьдесят с лишним лет. Он позвонил во входную дверь коммунальной квартиры, где она жила с мужем и двумя детьми, позвонил, нажав именно кнопку их комнаты, и она ему открыла.

Он назвал себя родственником, но она его не узнала и от стыда растерялась и от растерянности впустила его в свою комнату.

Был первый послевоенный год. Когда он уже сидел в комнате и назвал себя, она вдруг ясно припомнила то, что было более тридцати лет тому назад!

Совсем девочкой она с матерью гостила у дальних своих родственников, и там был молодой юнкер, который подбрасывал ее на руках, и она хохотала от восторга и страха,

Потом были война с Германией, революция, и она его больше никогда не видела. Она только слыхала, что в гражданскую войну он был с белыми, сражался против Красной армии, а что было потом, она не знала. То ли его убили, то ли он ушел с остатками белой армии за границу.

И вот теперь этот грузный, стареющий человек говорит, что он приехал из Франции и на пути к своим родственникам в Горьковскую область (он это старательно выговорил) зашел к ней, зная, что она сейчас живет в Москве. Как она ни вглядывалась в него, в чертах его лица и тем более фигуры ничего не угадывалось от того стройного, лихого юнкера. Как быть?

Навеки испуганная Советской властью, она заподозрила недоброе. Конечно, внешне он мог так измениться, что она его никак не могла узнать. Ведь сколько лет прошло, и каких лет!

Но откуда он мог выведать ее адрес, она всю жизнь живет под фамилией мужа, которого он никогда не видел? Может, он узнал ее адрес у кого-то из общих родственников? Но и родственников разбросало по стране, и она почти ни с кем из них не переписывалась. Почти... Спросить у него об этом она не осмеливалась, чтобы не раздражать его, если он посланец НКВД.

Она вышла замуж в самом начале тридцатых годов за инженера, который был прислан в Нижний Новгород строить знаменитый Горьковский автомобильный завод. Инженер этот был веселым, умным, добрым человеком и, хохоча, увел из-под носа нижегородцев одну из самых красивых девушек города. К тому же он был рабочего происхождения, и это в какой-то степени было гарантией, что новая власть их не тронет.

...Сейчас она заподозрила, что этот человек — посланец НКВД, и они, узнав, что у них был родственник за границей, да еще бывший участник белого движения, вышлют их из Москвы или арестуют.

Боже, Боже, а что если это не так? А что если этот человек в самом деле приехал из Франции? И раз его впустили в страну, значит, простили грех молодости или не знают о нем. Она уже слышала, что некоторые русские люди после войны возвратились в Россию из эмиграции. То, что потом их почти всех пересажаят, она еще и не могла знать.

Сердце у нее разрывалось от этой неопределенности. С одной стороны, гость очень толково рассказал об их родственных отношениях, но, с другой стороны, почему-то не вспомнил те два дня, когда она с мамой гостила в их имении под Нижним и он ее, девочку-хохотушку, подбрасывал на руках. Конечно, сама она ему об этом не напомнила.

Она сразу же сказала ему, что не знает ни о каких таких родственниках и никогда с ними не встречалась. Но если бы он вдруг сказал: «Неужели вы не помните, как я вас,

девочку, подбрасывал на руках?!» — она бы поверила ему и оставила его ночевать, как он просился. Поезд у него уходил на следующий день. Но он этого не вспомнил, он даже не вспомнил, что они с мамой гостили у них два дня. Он только точно назвал всех родственников.

В прямом смысле репрессии не коснулись их семьи, но она хорошо знала, что происходило в двадцатых и тридцатых годах. До революции отец ее был управляющим страховой компанией Волжского пароходства.

— Это власть босняков, — говорил он брезгливо.

Теперь он работал простым бухгалтером в городском банке. Ему навязывали для обучения совершенно неграмотных людей, которых он в самое короткое время должен был выучить бухгалтерскому делу. При этом угрожающе постукивали наганом по столу.

При всем при том домашний быт он старался сохранить дореволюционный. И если в обед иногда подавали только вареную картошку, то тарелка все же должна была быть подогретой, а салфетка накрахмаленной.

В начале тридцатых годов, когда некоторых молодых инженеров автомобильного завода посылали учиться в Америку, ее мужу тоже предложили ехать, и он был готов.

— Не езжай, — запретил ему ее отец, — всех, кто уедет в Америку, потом, когда они вернуться, арестуют.

Муж ее не поехал. И в самом деле всем, кто туда поехал, сначала после возвращения дали повышение по работе, а потом их арестовали как шпионов.

Да, строг был ее отец. Ни одного дня своей жизни он внутренне не признавал новую власть. Однажды сын его, уже учась в техникуме, сказал ему:

— Папа, спрячьте куда-нибудь иконы. Из-за них я не могу пригласить друзей в дом. Мне стыдно!

— Ах, тебе стыдно! Ну и убирайся к своим боснякам! — взорвался отец и выгнал его из дому. Сын ушел и стал жить в общежитии. Как разрывалась ее бедная мама между мужем и сыном, тайно помогая сыну деньгами и едой.

А вот сейчас у Тамары Ивановны сердце разрывалось между желанием признать этого родственника и ужасом за свою семью, если он — посланец НКВД и их так проверяют. Что будет с двумя детьми-школьниками, если ее с мужем арестуют или просто вышлют в Сибирь. Страшно подумать!

— Тамара Ивановна, — снова и снова напоминал гость, — как же вы забыли? Мы же родственники! Я ваш троюродный брат.

— Не знаю, не знаю, — покрываясь красными пятнами, отвечала она с преувеличенной твердостью, — я ничего не слыхала о таких родственниках.

Ее муж, теперь в Москве преподававший в институте, заполнял очень подробные анкеты, но, конечно, никогда не указывал, хотя это требовалось, что родственник его жены находится за границей. И вдруг сейчас они это обнаружат и ткнут его носом в эти анкеты. Нет, никогда она этого не признает! Ее муж был единственным беспартийным на кафедре, и его держали благодаря его исключительной работоспособности и чистоте происхождения.

Кафедра держалась на нем. Нет, никогда она этого не признает! Но с другой стороны, если этого человека впустили в страну, какой же стыд отказывать ему в гостеприимстве.

Голова ее шла кругом. А еще за стенкой их коммунальной комнаты жила семья следователя НКВД, и может быть, именно он все это тайно затеял, чтобы в случае удачи захватить их комнату. И такое случилось.

Этот сосед был очень вежливым, улыбчивым человеком, но улыбка его была белозубая, как смерть. По утрам он в ванной долго чистил зубы, и это было слышно в коридоре.

Он работал по ночам. Одно время муж ее тоже работал по ночам дома, он писал диссертацию, пользуясь тем, что семья спит. На рассвете, услышав в тишине осторожное верещанье ключа входной двери, муж знал, что это сосед возвращается с работы, и сам прекращал работу. В такие минуты они иногда встречались в коридоре. Сосед всегда, увидев его, шутил:

— Мы с вами ночные работники.

Тамара Ивановна, разговаривая с этим неожиданным гостем, все время понижала голос, невольно косясь на ненадежную стенку и молча призывая гостя тоже понизить голос.

— Кто-нибудь спит? — наконец спросил гость удивленно.

— Наоборот, не дремлет! — вдруг неуместно вспыхнула она. Впрочем, если этот гость действительно приехал из Франции, для него эта фраза была бы достаточно туманной.

Часа полтора стареющий, грузный человек в хорошем заграничном костюме уговаривал ее признать его, но она твердо стояла на своем. Наконец он тяжело поднялся и ушел, не прощаясь.

Никаких отзвуков этого события в ее семье никогда не было. До конца своих дней, а она еще долго жила, Тамара Ивановна рассказывала об этом случае в кругу очень близких людей и никогда не могла понять, правильно ли она поступила. Но все же склонялась думать, что правильно. Ведь она была такой хорошенькой девочкой, вздыхала она, кончая рассказ, как же юный юнкер мог забыть, что подбрасывал ее на руках и при этом они оба так хохотали, так хохотали! Ведь такое не забывается! Правда, правда?!